

-Владимир Николаевич, вы неплохо развенчиваете мифы, скажите, каков главный миф путинской эпохи?

— Главный миф — это образ Путина, творимый подхалимами, идущими, поющими и облизывающими вместе, прессой и телевидением и отдельными энтузиастами, которые всегда готовы сказать начальству правду в глаза: "Ваше величество, вы — гений".

— Но почему, интересно, с Ельциным мы жили без мифа о президенте — все знали, например, что он большой любитель выпить, а у Путина — сплошная "положительность"?

— В нормально развитом обществе лицо, избранное народом на высшую должность, пользуется большим кредитом доверия и уважения. Что не мешало оценивать действия этого избранника критически. Но у нас от раболепия до хамства дисканция очень малая. Ельцина можно было ругать, потому что это было не только безопасно, но и выгодно, даже с наращиванием политических дивидендов. Многие наши политики делали карьеру на том, что поносили Ельцина последними словами, называли его преступником и алкоголиком, пытались свергнуть через процесс импичмента. При Ельцине плевать в президента было не более опасно, чем закрывать грудью музейную амбразуру. Даже путчисты, пытавшиеся свергнуть власть новой России силой оружия, посидев немного в тюрьме, вышли оттуда героями и через тюрьму опять вошли во власть — кто в Думу, кто в губернаторы — и опять проклинали Ельцина как ужасного диктатора и самодура. Как же им было не геройствовать, если они не рисковали ничем, а наоборот, только приумножали свой капитал — политический и финансовый? Ну а теперь ситуация заметно изменилась, и музейный пулемет в амбразуре может быть уже заменен на настоящий. Кажется, критиковать президента с некоторой осторожностью еще возможно, но шансов сделать на этом карьеру нет.

Прошу заметить, что я вовсе не являюсь противником Путина. Я согласен со многими или даже с большинством его решений (а с некоторыми категорически не согласен). Но каким бы он ни был хорошим, президент должен находиться под постоянным и бдительным контролем общества. Общество имеет право и обязано оценивать действия нанятого им управителя трезво и критически — без перехода в хамский беспредел. Теперешний миф о президенте и его многих чрезвычайных достоинствах поддерживается усилиями восторженных подхалимов и умелых пиарщиков. Я сколько вижу по телевидению Путина, всегда он говорит то, что мне, избирателю, приятно. Рыночная экономика, контрактная служба, пенсии старикам, зарплата шахтерам, довольствие офицерам, помощь жертвам наводнения. Мы слышим от него только хорошее и понимаем, как это и раньше бывало, что царь у нас хороший, а если есть что плохое, то это от нерадивых или алчных чиновников. Что отчасти и правда — чиновники у нас нерадивы и алчны.

— А вам не кажется, что этот навязываемый положительный образ президента начинает уже напоминать культ личности? Как вы относитесь к тому, что в нашей стране снова начали штамповать для массового производства портреты и бюстики "вождя"?

— Безусловно, Путину следовало бы более резко откеститься от всех этих "идуших", от бесчисленных тканых и рисованных портретов, лепных и отливаемых бюстов. Но в этой ситуации скрывается западня: когда президент говорит, что ему это все не нравится, то "культ личности" от его слов не становится меньше, а наоборот, увеличивается. Потому что творцы культа получают возможность говорить: "Посмотрите, он ведь еще и скромный, наш президент, великий, а скромный..."

Но, по-моему, хотя бы приостановить этот процесс можно. Например, почему бы Путину было лично не попросить патриарха не отливать его имя на колоколе? Могут на эту тему рассказать историю. При Николае I один пьяный мужик бузил в кабаке, его пытались урезонить, говоря: "Как же ты сидишь под портретом государя-императора и говоришь такие слова?". На что он ответил: "Плевать я хотел на вашего государя!". Его, естественно, в кутузку и приговорили к битью шпицрутенами. А поскольку это было равно смертной казни, то такие дела доходили до государя. И Николай I, когда дело прочел, написал резолюцию: "Передайте этому идиоту, что я тоже плевать на него хотел. Но моих портретов по кабакам чтобы больше не вешали".

Вот Николай I знал, где можно портреты вешать, а где нельзя.

— Как вам иск к вашему коллеге Сорокину и кампания против других писателей, инициированная движением "Идущие вместе"? Вам как литератору не страшно?

— Мне лично, пожалуй, уже страшиться нечего. Я должен заметить, что писания Сорокина вызывают во мне рвотный рефлекс. Тем не менее я считаю, что он имеет право свои микстуры готовить, потому что он никого ими насильно не кормит, и я имею право их не глотать.

Писатель Владимир Войнович, "папа" знаменитого Чонкина, не из тех, кто боится власти.

Побыл в вынужденной эмиграции, потом вернулся в Россию, а сейчас его нет-нет да и посещают мысли: когда-нибудь снова придется плюнуть на все и уехать...

В своей последней книге Войнович посягнул на самого Солженицына. Не исключено, что в новых творениях он замахнется еще выше.

Что же беспокоит одного из самых талантливых наших сатириков?

ШИЛО

Владимир ВОЙНОВИЧ:
"Когда поставят памятник Дзержинскому, кто-то может уйти в партизаны"

В СЛОНОВЬЕЙ ПОПЕ

Вольтер сказал когда-то приблизительно так: ненавижу ваши идеи, но готов умереть за то, чтобы вы могли их высказывать. Впрочем, Сорокину следует своих преследователей поблагодарить и, может быть, даже поделиться с ними своими гонимостями. Они ничего ему пока сделать не могут, но привлекли к нему мировое внимание и увеличили тиражи его книг. Кстати, насчет этих "идуших". Я спросил у знакомого адвоката, можно ли назвать их публично фашистами. Он ответил, что если я назову их так, то рискую быть привлеченным к ответственности за оскорбление. Но если я скажу, что они кажутся мне похожими на фашистов, то это неподсудно, поскольку это не утверждение, а личное предположение. Так вот, я предполагаю, что они очень похожи на тех, про кого я сказал. А конкретней — на гитлерюгенд, на китайских хунвейбинов, которые примерно так же утверждали свое представление о культуре, и, конечно, "идушие", как мне кажется, прямые наследники комсомольцев первых лет советской власти, которые крушили церкви и вообще агрессивно боролись за "передовое мировоззрение".

— Что ни говори, а почти у всех нынешних правителей России корни в комсомоле, КПСС, КГБ и так далее. Какие проявления "совкового" менталитета для вас наиболее заметны?

— Непонимание собственных гражданских прав и обязанностей и равнодушие к тому, что происходит в стране и мире, когда "это нас не касается". Губернатор Россель может себе позволить сказать журналистам: "Вы пишите, пишите, но помните, что вам здесь жить". Я могу себе представить, что сделали бы с американским губернатором за одну такую фразу... А у нас народ терпит.

А среди руководителей... Сложно провести грань между "совковостью" и элементарной дикостью, отсутствием культуры. Когда

в ООН стучат башмаком по столу — это проявление и того и другого. Конечно, во всем мире политические противники друг другу в глотку вцепляются, но все-таки в фигуральном смысле. И только у нас депутаты друг другу морды бьют...

Такие политики, как Райков или Шандыбин, — это даже уже и не "совки", а просто неумные и невежественные люди. Как мне кажется. Но печально то, что и все это единство, и все это отечество, сколько на них ни смотрю, — все те же "гомо советикусы". И что такое демократия, они плохо себе представляют. А ведь в их руках власть.

— Нет ли у вас ощущения, что пора снова уходить в диссиденты?

— У меня лично такого желания никогда не было, я сам считал себя диссидентом поневоле. Вообще-то, я думаю, что реальная политическая жизнь в России на нынешнем этапе замерла, вертикаль власти сформировалась и сама это осознала. Недавно я слышал, господин Котенков возмущался предложением одного из депутатов поставить действия президента под контроль парламента. Но мы с вами уже говорили о том, что контроль нужен. Во всех странах, где демократия реальна, президенты, канцлеры и премьер-министры, хорошие и плохие, находятся под контролем других сил — очень жестким, и только такой контроль есть надежная защита общества от произвола. А у нас эта защита слабеет, у сторонников советского образа жизни растет возможность реванша. Ближайший пример: все более крепнущие голоса за то, чтобы поставить на место памятник Дзержинскому. Я не удивлюсь, если памятник этому палачу будет поставлен на прежнем месте. И это будет большое свинство и плевок в лицо народу, победившему советскую власть в августе девяносто первого, оскорбление памяти миллионов жертв ведомства, созданного железным чекистом. Если, как утверждает Лужков, большинство людей за памятник, то и это большинство, искусственно создаваемое и готовое оскорбить память погибших, достойно презрения. Когда памятник Дзержинскому поставят, можно будет сказать, что реванш состоялся, и надежды на то, что Россия станет свободной, демократической, то есть нормальной, страной, на данном этапе можно будет считать несбывшимися. Тогда и наступит время, когда активные люди начнут уходить кто в эмигранты, кто в диссиденты, а кто-нибудь и в партизаны.

А, может, будет и по-другому. Угроз, которые когда-то приложили много сил к тому, чтобы свергнуть советскую власть и свалить этого истукана, просто опустятся руки. Вообще, любой имеет право махнуть рукой и сказать: "Провалились вы с вашими дзержинскими".

— Путина критикуют Новодворская, Ковалев, Юшенков — тоже диссиденты в своем роде. Как вы к этим людям относитесь?

— Хорошо отношусь. С Юшенковым я близко дружу, а Новодворскую и Ковалева тоже давно знаю и уважаю. Все они люди безусловно честные и если считать патриотами людей, готовых отстаивать свои убеждения при любых обстоятельствах, то они, а не придворные подхалимы и не вороватые демагоги, и есть патриоты. Но это вовсе не значит, что я с каждым из них должен во всем соглашаться. Я человек беспартийный и имею по разным поводам свое отдельное мнение.

— В альтернативном варианте гимна России вы написали: "Славься, отечество наше привольное, Славься, послушный российский народ, Что постоянно меняет символику И не имеет важнее забот". Почему у нас народ такой послушный — все стерпит, проглотит?

— Потому что народ наш долго послушанию учили. И до революции и после. Он витрины не бьет, но когда уже начинает их колотить, то заходит слишком далеко. Но вообще я думаю, что реальная политическая жизнь в России заканчивается. Власть сгруппировалась и делает что хочет, а народ, в общем, безмолвствует. За критику власти частных людей пока не наказывают, потому что власти от этой критики ни холодно ни жарко. Критиков единицы. Если их не трогать, то их никто и не услышит, и пусть плетут что хотят и говорят, что у нас нет свободы слова, доказывая тем самым, что у нас она есть.

— В своей последней книге вы приводите сравнение советской власти образца 70-х со слоном, "который хотя и силен, но неповоротлив. Ему можно воткнуть шило в зад, а пока он будет поворачиваться — забегать сзади и воткнуть шило еще и еще". А нынешнюю власть и ее реакцию на "шило" с чем, по-вашему, можно сравнить?

— Нынешний слон поумнел, на мелкие уколы пока не отвечает, но "уколышков", может быть, напоминает.

Беседовала Люба ШАРИЙ.